

ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ: КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

К 15-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

ГЕННАДИЙ ОСИПОВ, академик РАН,
президент Российской академии социальных наук

1950–1990 гг. в СССР были временем самоотверженной, порой трагической борьбы социологов за утверждение гражданского и научного статуса социологии. Великая заслуга советских ученых-социологов второй половины XX в. перед российским обществом и государством состоит в том, что в суровых условиях партнократического режима им удалось создать свою неповторимую систему социологического знания и добиться признания социологии как науки, сломив сопротивление противостоявшей им объединенной армии философов-марксистов и безраздельно господствовавшей в СССР, хорошо отлаженной машины партийной, государственной и идеологической власти.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ВОПРОСА (вместо введения)

Отечественная социология до октябрьского переворота (1907–1917). Вынося в заголовок этой статьи в качестве ключевого понятия слово «возрождение», автор тем самым заявляет предысторию вопроса, косвенно указывает на период отечественной истории, когда социологическая наука знавала достойные времена, сменившиеся затем, к глубокому сожалению, периодом умолчания и запрета. Не вдаваясь с чрезмерной детализацией в историю отечественной социологической мысли, вместе с тем нельзя не отметить, что отечественная социология дореволюционного периода развивалась в рамках общемирового процесса наравне с ведущими национальными социологическими школами Европы и США. «Русский период» отечественной социологии еще не изучен в должной мере, недостаточно известен не только за рубежом страны, но и в самом Отечестве. Вместе с тем, это плодотворный и содержательный отрезок исторического времени, сконцентрировавший значимые открытия в области философии, в области формирующихся социальных наук. Проистекал он на фоне уникального философско-художественного явления, подаренного Россией миру, которое названо «себяребриным веком» человеческой цивилизации.

Характерной чертой этой эпохи (конец XIX–начала XX вв.) для России был *утопизм*. «Пожалуй, трудно найти в России того времени хотя бы одного крупного мыслителя, который в той или иной степени не был бы заражен, а то и отравлен духом утопизма, – констатирует исторический факт российский исследователь. Борец с социальными утопиями оказывался утопистом в области гносеологии, «реалистический символист» строил «театральную» утопию, композитор – бредил идеей конца света, наступающего под аккомпанемент его музыки и т.д.¹». Примеры можно приводить бесконечно. В такой атмосфере социологу – как говорится, сам Бог предназначил быть реалистом.

Другой особенностью российской интеллектуальной жизни того периода можно признать *универсализм*, как бы пролонгированный по отношению к часам Европы отечественный энциклопедизм. Одновременно эти и параллельные им интеллектуальные направления буквально пронизывал *эсхатологизм*, понимаемый по-разному различными научными стратами; кто предсказывал «конец света» как некий мистический Апокалипсис, кто призывал к «концу света» рукотворному – свержению самодержавия и его институтов, изживших себя, кто мечтал о реализации либеральных идей. Вот на этом социально-историческом фоне происходило становление российской социологии, практически

впервые за всю трудную историю России, осознавшей необходимость проведения *реальной социальной политики в стране, политики не радикального, революционного, а эволюционного свойства.*

Первые публикации по проблемам социологии и социологических исследований в России относятся к 1869 г. Открывает серию этих публикаций конкретное социологическое исследование В.В.Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования». В этом же году выходят в свет труды Н.Я.Данилевского, И.Лаврова, Н.К.Михайловского П.Н.Ткачева и др. К моменту институционализации социологии в России было опубликовано 1225 научных трудов по проблемам социологического знания, многие из которых являются классическими и сохранили свою научную ценность до наших дней.

Институционализация социологии в России произошла в 1907 г., когда состоялось открытие частного Психоневрологического института и была организована первая кафедра социологии, которую возглавили М.Н.Ковалевский и Е.В.Де-Роберти. Имена русских социологов – основоположников отечественной социологии М.Н.Ковалевского, Н.П.Данилевского, Н.К.Михайловского, М.Туган-Барановского, С.Южакова и многих других с тех пор прочно вошли в анналы мировой социологии. Фундаментализм, научная обоснованность исследований, их четкая социальная направленность заложили прочные основы социологического знания, которые не смог разрушить даже Октябрьский переворот 1917 г.²

Отечественная социология после Октябрьского переворота (1917–1929). После октябрьского переворота обозначились некоторые позитивные тенденции в развитии отечественной социологии. Активно и плодотворно трудились на ниве социологии П.А.Сорокин и К.М.Тахтаров, первый в 1919 г. создает Социологический институт и кафедру социологии, второй в это же время – Институт социологии и кафедру социологии. Множатся социологические исследования, среди которых были и весьма экзотические по тематике, как например, «Половая жизнь партактива», «Положение религиозного сектанства в СССР», и т.п. Возобновляет свою деятельность социологическое общество имени Максима Ковалевского, объединившее социологов и организации профессиональных социологов России. Председателем его стал Николай Иванович Кареев.

В это же время известный деятель ВКП(б), в последствии действительный АН СССР, Николай Иванович Бухарин публикует монографию под названием «Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии» (1922), в которой исторический ма-

териализм отождествлялся с марксистской социологией и провозглашается единственно научной социологией. Издание монографии Н.И.Бухарина и его последователей (С.А.Оранский и др.) явилось первым шагом к отрицанию всего предшествующего наследия отечественной социологии с позиций марксизма. Но несмотря на это, социология продолжала сохранять свой гражданский и научный статус в российском обществе³.

Социологическое знание вне закона (1929–1955). В 30-е гг. «мирное» сосуществование двух параллельных социологических школ было прервано. С выходом в свет работы И.Сталина «О диалектическом и историческом материализме» исторический материализм был возвращен в лоно философского знания, а социологическое знание даже в форме исторического материализма, как знание нефилософское, было «упразднено». С этих пор теория и методология, понятийный аппарат «науки об обществе» стали рассматриваться на крайне абстрактном философском уровне, с позиций диалектического и исторического материализма (И.Луппол, М.Митин, Ф.Константинов и др.). На социологические методы исследования общества, на изучение конкретных процессов и явлений социальной жизни и на само понятие «социология» был наложен строжайший запрет. Социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему. Совершился качественный переворот в подходе к научному социологическому знанию. Только что отпочковавшись от знания философского, оно было упразднено и, в форме исторического материализма, возвращено в лоно знания философского.

Формально оформила этот переворот, вернее запрет, дискуссия в Институте философии коммунистической академии по проблемам философии и социологии (1929), на которой был сделан категорический вывод: «социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом⁴, само это слово (т.е. социология) не должно использоваться в марксистской литературе⁵. Социология на государственном уровне утратила свой гражданский и научный статус. Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было приостановлено.

Отсюда следует драматический вывод: на смену отечественной социологии как науки было поставлено знание философское – знание вне научное⁶. Будучи возведена в ранг официальной идеологии, философия марксизма-ленинизма (диалектический и исторический материализм) подорвала реальные основы не только социологии, но и всех других социальных наук. Лишившись социологии, российское общество потеряло действенного индикатора «соци-

альной погоды», инструмента анализа и познания социальной реальности. Восторжествовало знание вненаучное, знание социально-мифологическое или, иначе, социально-утопическое.

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И НАУЧНОГО СТАТУСА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Годы 60-е.

Социально-политические предпосылки возрождения социологического знания

На некоторое изменение отношения к социологическому знанию со стороны партocraticкого режима, точнее – к конкретным социологическим (социальным) исследованиям, так как сам термин «социология» все еще находился под запретом в начале 60-х гг., повлияли следующие обстоятельства:

- Постановление Президиума ЦК КПСС (1955), разрешившее советским ученым участвовать в III Всемирном социологическом конгрессе (Голландия);

- легализация понятия «конкретные социологические исследования» (как синоним понятия «конкретные социальные исследования») после участия советской делегации в работе III Всемирного социологического конгресса (1956, П.Н.Федосеев);

- проведение в г. Москве 23 сентября 1957 г. Международного совещания социологов по вопросу о мирном сосуществовании. В совещании приняли участие крупнейшие социологи мира (Ф.Арон, Ж.Фридман, А.Холландер, Э.Хьюз, Х.Шельски, Т.Боттомор);

- публикация статьи Юргена Кучинского в журнале «Вопросы философии» (1957, №5), где впервые был поставлен вопрос о социологических законах;

- решение Президиума АН СССР (13 июня 1958 г.) в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей (от 11 февраля 1958 г.) о создании Советской Социологической Ассоциации (пред. Ю.Францев, зам. Г.Осипов);

- организация в Институте философии АН СССР первого в стране научного социологического подразделения под названием «Сектор новых форм труда и быта» (1960) (зав. Г.Осипов); создание в том же году в Ленинградском государственном университете (ныне Санкт-Петербург) первой в стране «Социологической лаборатории» (рук. В.Ядов);

- осуществление в начале 60-х гг. четырех крупных социологических проектов в городах Свердловске, Горьком (ныне Нижний Новго-

род), Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) и Молдавии;

- приезд в Институт философии АН СССР (1961) представительной делегации польских социологов во главе с А.Шаффом в составе З.Баумана, М.Осовской, Л.Колаковского и др.;

- начало проведения по инициативе «Комсомольской правды» (1961) опросов общественного мнения (Б.Грушин и др.);

- проведение обсуждения социологических проблем социологии и социологического исследования общественных процессов в журнале «Проблемы мира и социализма» по инициативе А.Соболева (1961);

- создание социологических подразделений при ЦК ВЛКСМ (В.Васильев, В.Чупров, А.Кулагин) и АОН при ЦК КПСС (И.Петров);

- постановка в докладе секретаря ЦК КПСС Л.Ильичева на Президиуме АН СССР вопроса о праве социологии на гражданство (18 сентября 1963 г.)⁷;

- решение Президиума АН СССР от 25 февраля 1966 г. о преобразовании Сектора новых форм труда и быта в Отдел социологических исследований Института философии АН СССР⁸, этим же решением был создан Научный Совет по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН ССР (пред. А.Румянцев, зам. Г.Осипов).

Вместе с тем, борьба против даже частичного признания социологии (даже в форме марксистско-ленинской) как самостоятельной сферы научного знания не прекращалась. Советские социологи постоянно испытывали на себе тяжелое давление власти с одной стороны, с другой – неприятие ученых, занимавшихся вопросами марксистско-ленинского обществоведения, в первую очередь – исторического материализма.

Значительная часть первичной социальной информации, представляющая огромную научную ценность для решения многих социальных проблем, оставалась в архивах. Многие тревожные сигналы социологов, которые они представляли в директивные органы о нарастании отчуждения труда, об отчуждении власти от народа, о разрушении природы, о развитии националистических тенденций и другие, не только не принимались во внимание, но и осуждались, а в отдельных случаях их инициаторы подвергались взысканиям как партийным, так и административным. Более того, многие научные понятия, например, такие, как «социальная экология», «социальная статистика», «социология труда», «социология семьи», «социология религии», «социология культуры» и многие другие, даже в период признания «права социологии» оставались под запретом. Их использование могло иметь своим следствием зачисление ученого в разряд «последователей и

пропагандистов реакционной буржуазной социологии».

И все же, несмотря ни на какие санкции, конкретные социологические исследования в стране проводились, что неизбежно сопровождалось расширением сферы теоретического социологического знания, овладением понятийным и методологическим аппаратом социологии. Социологическое знание постепенно преодолевало узкие ограничительные рамки «марксистской социологии» все более и более завоевывая статус самостоятельной науки.

В середине 60-х гг. начинают появляться первые крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований. Издаются пятитомник избранных произведений одного из пионеров социальной инженерии и конкретного социального анализа С.Струмилина. Существенный вклад в изучение социальных аспектов взаимоотношения свободного и рабочего времени внесли труды Г.Пруденского, подытоженные в книге «Время и труд» (1964). Широкий круг исследований социальных проблем брака и семьи был обобщен в классической монографии А.Харчева «Брак и семья в СССР» (1965). Выходят в свет монографии: «Копанка 25 лет спустя» (1965); «Рабочий класс и технический прогресс» (1967); «Человек и его работа» (1967).

Формально первое социологическое исследование (вернее социально-философское) было инициировано группой свердловских ученых, в основном философов (рук. М.Иовчук, Г.Пруденский, М.Руткевич, Л.Коган и др.), с теоретических позиций исторического материализма, с использованием традиционных абстрактно-дедуктивных методов⁹.

Первыми проведенными с позиций индуктивных методов, с использованием современного арсенала методического инструментария социологии были исследования московских и ленинградских ученых. Их приоритет в данном случае бесспорен. И в первую очередь, здесь, наряду с московскими, надо назвать имена Владимира Ядова и Андрея Здравомыслова. Московская и ленинградская социологические школы сложились почти одновременно и развивались в сотрудничестве друг с другом.

Последующие исследования, которые проводились в дальнейшем В.Н.Шубкиным, З.И.Файнбургом, Г.П.Козловой, Э.В.Клоповым, Л.А.Гордоном, Н.А.Алтовым, Г.Т.Журавлевым и рядом других, в определенном смысле следовали в фарватере этих двух основополагающих школ отечественной социологии. Эти исследования также можно отнести к разряду классических.

Важным шагом на пути институционализации социологии в СССР явилось издание подготовленного сектором новых форм труда и быта Института философии АН СССР двухтом-

ника «Социология в СССР» (М., 1966), в котором обобщался опыт ряда социологических исследований, проведенных в различных сферах советского общества. В него вошли исследования по социологической теории, различным проблемам функционирования и развития социальной сферы (труда, быта и т.д.)¹⁰. В расширенном варианте двухтомник был издан и в Англии. Эта публикация заложила основы традиции издания примерно раз в два-три года обобщающих трудов по итогам развития отечественной социологии. Среди них: «Социология и идеология» (М., 1969), «Социология и современность» (в 2 т. М., 1977), «Социология и проблемы социального развития» (М., 1978), «Марксистско-ленинская теория социального развития» (М., 1978), и др.¹¹. Впервые по инициативе советских социологов было проведено международное сравнительное социологическое исследование по проблемам труда и индустрии (СССР, Польша), результаты которого были опубликованы на русском, польском и итальянском языках в монографии под общим названием «Социальные проблемы труда и производства» под общей редакцией Г.Осипова и Я.Щепаньского, (М., 1970).

Вопреки воле партийного руководства в стране стихийно сложилось мощное **социологическое движение**, объединившее большую группу философов и экономистов, представителей других научных дисциплин, которые перешли на позиции социологической науки.

Признание гражданского статуса социологического знания.

Организация Советской социологической ассоциации

В 1956 г. советские ученые, в том числе академик П.Н.Федосеев впервые приняли участие в III Всемирном социологическом конгрессе (г. Амстердам). По возвращении с Конгресса П.Н.Федосеев, будучи в том время вице-президентом АН СССР, поинтересовался у автора данной статьи, в какой форме советским ученым стоит принимать участие в подобных конгрессах. На этих конгрессах присутствуют преимущественно представители социологических организаций, которых в СССР не было. Более того, встал вопрос вступления советских ученых в Международную социологическую ассоциацию.

Пришли к выводу, что не надо искать какую-то особую организацию и принять за образец форму, принятую в международном сообществе – форму социологической ассоциации. 19 декабря 1957 г. состоялось Учредительное собрание Советской социологической ассоциации в составе пяти институтов АН СССР, Института философии УССР, Института филосо-

фии и права БССР, Ученого совета по философии МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедр философии АОН при ЦК КПСС и МГИМО МИД СССР, на котором было принято решение о создании Советской социологической ассоциации и одобрен ее Устав.

26 декабря 1957 г. записка «О создании Советской социологической ассоциации» была направлена руководством АН СССР в ЦК КПСС и 11 февраля 1958 г. Комиссией ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и партийных связей было принято постановление «О создании Советской социологической ассоциации». 13 июня 1958 г. принято соответствующее Постановление Президиума АН СССР. На очередном заседании учредителей ССА был избран президиум ССА в составе председателя, заместителя, трех членов и ученого секретаря. Председателем ССА был избран Ю.П.Францев, его заместителем – Г.В.Осипов, который через год сменил Ю.П.Францева и стал председателем ССА (1959–1969).

Вопреки ожиданиям партийного руководства Советская социологическая ассоциация развернула активную деятельность по отдельным проблемам становления и развития социологического знания и его практического применения.

16–19 февраля 1966 г. под эгидой ССА был проведен симпозиум «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР». Важный вывод по итогам его работ: общественность страны поняла, что начала складываться «новая» наука, призванная конкретно исследовать и вносить конкретные предложения по решению назревших социальных проблем российского общества.

17–20 апреля 1967 г. в Сухуми (Абхазия) было проведено первое официальное заседание ССА. На нем рассматривался большой круг проблем, связанных с применением количественных методов в социальных исследованиях. Под социологию подводилась серьезная математическая база. В совещании принял участие лауреат Нобелевской премии, выдающийся российский ученый академик Л.В.Канторович.

Советские ученые уверенно вышли на международную арену, принимали активное участие во всех Всемирных социологических конгрессах, входили в руководство почти всех исследовательских комитетов МСА, их доклады получали высокую оценку на различных международных форумах и встречах.

Контакты с зарубежными учеными в рамках ССА становились все более регулярными. У меня, как у руководителя ССА сложились прочные научные связи с крупнейшими зарубежными социологами: Т.Адорно, Р.Кенингом, Г.Хомансом, И.Галтунгом, А.Туреном, Ж.Штёцелем, Т.Парсонсом, Д.Белом, П.Лазерсфельдом, Р.Мэртоном и многими другими. В рам-

ках ССА был создан и успешно функционировал совместный с американскими коллегами Комитет по советско-американским социологическим связям, который возглавляли председатель ССА и Талькот Парсонс. Отличные отношения установились с Институтом Гэллопа (The Gallup Organization) и лично с его основоположником Джоржем Гэллопом.

Началось серьезное знакомство с опытом зарубежной социологии, в первую очередь – американского. Наибольшее значение для отечественной социологии имело изучение методов формирования выборочной совокупности, структурно-функционального анализа, факторного анализа, применения математических методов и моделей в социологии. По этим отраслям социологического знания были переведены на русский язык лучшие работы зарубежных профессионалов¹². Кроме того, в сотрудничестве с математиками, социологи, входящие в ССА, опубликовали и свои собственные коллективные труды, такие как: «Методика и техника статистической обработки первичной социальной информации» (1968), «Количественные методы в социологии» (1966), П.Маслов «Социология и статистика» (1967), его же «Статистика в социологии» (1971), Ф.Бородкин «Статистическая оценка связей экономических показателей» (1968), «Моделирование социальных процессов» (1970) и др.

За рубежом начал выходить в свет на английском языке периодический журнал «Soviet sociology» (вышло в свет более 30 номеров), в котором публиковались лучшие статьи советских ученых. Издавались за рубежом и переводы отдельных трудов советских социологов. Практически это был серьезный прорыв в области становления отечественной социологии.

Постепенно до властных структур стала доходить информация о том, что все большее распространение получает мнение, к которому пришли отечественные социологи и согласно которому: нет социологии «буржуазной» и «марксистской», а есть социология как наука, которая, будучи независимой от идеологии и политики, подобно естественнонаучной дисциплине, может быть использована как во вред, так и во благо общества. Этот вывод вступил в прямое противоречие с идеологическими установками правящей партии и, более того, с известным тезисом В.Ленина о «партийности науки».

Все отчетливее стали вырисовываться расхождения между руководством ССА и вице-президентом АН СССР П.Н.Федосеевым относительно сути и задач ССА. Петр Николаевич с самого начала считал, что ассоциация должна осуществлять преимущественно представительские (главным образом международные) функции: заниматься организацией приемов иностранных ученых, отбором и оформлением делега-

ций и отдельных социологов для выездов групп отечественных социологов.

Мощного поворота в сторону становления научного социологического знания и социальной практики П.Н.Федосеев не ожидал.

Обстановка вокруг социологического общества страны все более и более начинает обостряться. Председателя ССА вызывали по этим вопросам в ЦК КПСС и указывали на отступление деятельности социологов от генеральной линии партии, что в публикуемых ассоциацией и другими ее подразделениями материалах следует приводить главным образом позитивные факты и выводы и всячески воздерживаться от негативных.

Объективности ради следует отметить, что официальное отношение к социологическим исследованиям не всегда было однозначным.

Вызывает, например, председателя ССА вице-президент АН СССР П.Н.Федосеев и объявляет, что нужно срочно готовить проект постановления ЦК КПСС «О развитии социологических исследований в стране». Но проходит сравнительно немного времени, и тот же П.Н.Федосеев, выступая на совещании в Отделе науки и вузов ЦК КПСС, риторически задает вопрос: «Здесь присутствуют социологи. Кому нужна такая социология, которая работает во вред советскому обществу, вскрывает факты, нетипичные для нашего общества; подобные исследования ничего, кроме вреда, не приносят».

И тут мной была допущена «роковая» ошибка, которая в дальнейшем оказала существенное влияние как на мою судьбу, так и социологию. Я резко, в присутствии ряда руководящих работников ЦК КПСС, возразил П.Н.Федосееву. «Как может, – сказал я, – вице-президент АН СССР выступать против социологических исследований, в результатах которых так нуждается наша партия». Я даже не предполагал, что вопрос об освобождении П.Н.Федосеева с поста вице-президента АН СССР и замены его на этом посту А.М.Румянцевым, был практически решен в партийных инстанциях и я лишь добавил аргументы к этому решению. С этого времени мои личные и деловые отношения с этим достойным ученым были испорчены на всю жизнь.

Накануне XXI съезда КПСС (1961) председателя ССА пригласил президент АН СССР академик М.В.Келдыш и поинтересовался: «насколько верно с научной точки зрения будет включить в раздел о науке в отчетный доклад съезду КПСС фразу о том, «что все большее значение для общественных наук имеет развитие конкретных социальных исследований». Я посоветовал понятие «социальных» заменить на «социологических» и дать трактовку этого понятия с позиций возрождающегося социологического знания. По просьбе Мстислава Все-

володовича подробно рассказал ему о социологии, о ее понятийном аппарате, предмете и методе исследования, о трудностях ее становления.

«Все это очень интересно, – заключил беседе М.В.Келдыш – Последнее время я занимался очищением от мракобесия биологической науки. Видимо, настала очередь общественных наук. Я приложу все силы, чтобы социология заняла достойное место в системе АН СССР».

К великому сожалению, свое обещание М.В.Келдыш выполнить не смог в связи с болезнью и трагическим уходом из жизни...¹³.

За годы работы ССА ассоциация приобрела большой авторитет среди отечественных и зарубежных социологов. Наступило время проведения отчетно-выборного собрания ССР. Было очевидно, что склонить членов ассоциации принять угодные партократической власти кадровые решения не удастся. И вице-президент АН СССР П.Н.Федосеев нашел выход.

Приглашать на отчетно-выборное собрание Советской социологической ассоциации не московских социологов он запретил, а число московских резко ограничил. «Надо экономить государственные средства – аргументировал П.Н.Федосеев свое решение. – Сейчас проходит отчетно-выборное заседание общества «Знание», пусть оно продолжит свою работу как отчетно-выборное собрание ССА. Таким образом, мы проведем свое мероприятие экономно. Члены общества «Знание» – это те же социологи».

После отчетного доклада о деятельности ССА председатели ССА выступали с резкой критикой явно подготовленные, настроенные против курса ССА на развитие социологии как самостоятельной отрасли социального знания некоторые участники отчетно-выборного собрания. При этом большая работа против руководства ССА проводилась за кулисами собрания. Т.И.Заславская, которая сообщила мне, что ее пытался уговорить выступить против председателя ССА один из членов президиума общего собрания. «Скажите, что Г.Осипов – проводник буржуазной идеологии, что он пропагандирует антисоветские идеи», – наставлял ее один из противников в то время социологической науки. Татьяна Ивановна резко отвергла эти инсинуации, и об этой поддержке глубокоуважаемой мною Татьяны Ивановны в тот трудный для меня момент я всегда с благодарностью буду помнить.

Меня освободили от должности председателя ССА. Участники собрания, большинство из которых едва ли не в первый раз в жизни услышали слово «социология», по указанию П.Н.Федосеева избрали председателем ССА член-корреспондента АН СССР М.Н.Руткевича. Наступил качественно *новый этап* в деятельности ССА. Советская социологическая ассо-

циация сразу же была «поставлена на свое место». Ее деятельность свелась к первоначальному замыслу П.Н.Федосеева – подготовке и участию советских ученых во Всемирных социологических конгрессах. В соответствии с указаниями вице-президента АН СССР все сотрудники, работавшие в том время в ССА, были уволены, издание «Информационного бюллетеня ССА», социологических научных трудов по линии ССА и периодического журнала «Социальные исследования» прекратилось.

В отношении бывшего председателя ССА было инспирировано «Дело» под названием «Шахматный клуб». Поскольку ССА не являлась хозрасчетной организацией, она пыталась проводить свою хозрасчетную деятельность через Шахматный клуб. Все это делалось в рамках законодательства без каких-либо нарушений. Несмотря на это, против руководства ССА попытались возбудить уголовное преследование. Дело развалилось, не дойдя до суда. Абсурдность этого дела на основе конкретных фактов доказал член-корр. АН СССР Д.А.Керимов.

«Новый курс» по отношению к ССА продолжил вслед за М.Н.Руткевичем, избранный председателем ССА Ф.Н.Момджан. Характерен, в этом отношении, его ответ на вопрос М.Х.Титмы: «Вы не социолог, – задал Ф.Н.Момджану вопрос М.Х.Титма, – как Вы можете братья за руководство ССА?». И получил четкий ответ: «Все зависит от того, как понимать социологию. Для меня социология – это социальная философия, а социальная философия – это исторический материализм».

Но дело было сделано. Несмотря на противодействие нового руководства члены ССА в центре и на местах продолжали свою благородную деятельность. Благодаря их активной содержательной деятельности гражданский статус социологии в СССР отменить не удалось. Он состоялся. А это означало, что был снят запрет на проведение конкретных социальных исследований, что в рамках этих исследований стали складываться и получать все большее развитие собственно социологические исследования и организационные формы их проведения. Несостоятельным оказался «новый курс» (а вернее старый) по отношению к социологическому знанию. Не будучи признанной *de jure* социология в стране продолжала жить и развиваться *de facto*.

Роль Советской социологической ассоциации в борьбе за гражданский и научный статус социологии, становление социологического образования, создание ИКСИ АН СССР, организационно-исследовательских комитетов по ряду собраний социологического знания, региональных отделений ССА и ряда других научных подразделений социологического профиля трудно переоценить¹⁴. Поэтому вряд ли является

разумным решение группы «элитных» социологов о прекращении ее деятельности, принятое 22 января 1992 г. Это нелегитимное решение, так как ССА создавалась решением Президиума АН СССР как структурное подразделение АН СССР и только решением РАН как правопреемницы АН СССР могла быть упразднена¹⁵. Общественная организация ОО РОС не могло быть правопреемником ССА, тем более она была зарегистрирована как общественная организация 2 февраля 1999 г. (регистрационный №352), т.е. на 7 лет позже ликвидации ССА. Социологи потеряли организацию, которая их всех объединяла. Многие социологи отказались вступить в ОО РОС, и начался процесс создания альтернативных социологических общественных организаций. В настоящее время их насчитывается более шести¹⁶.

В трагические для нашего Отечества, дни величайшей геополитической катастрофы XX в., дни крушения великого государства – СССР решение о роспуске вполне еще дееспособной социологической ассоциации было продекларировано инициаторами этого роспуска предельно цинично: ничего, что хоть как-то напоминает о советском периоде (даже слово ассоциация), не должно сохраняться в новой России. Парадоксально, но факт: одни социологи создавали социологическую ассоциацию страны, другие – прекратили ее деятельность. Если следовать этой логике, то следовало бы прекратить деятельность всех научных Институт АН СССР, после объединения ее с РАН и начать создавать их заново. К счастью разум восторжествовал и этого не произошло, и Институт социологии АН СССР и Институт социально-политических исследований АН СССР и др. автоматически стали Институтами РАН.

Поэтому в период возрождения российской государственности, который сейчас переживает наше Отечество, инициативная группа, состоящая из ведущих социологов страны, стремясь восстановить историческую справедливость, восстановить прерванные связи с нашим перенцем – ССА, учредила летом 2007 г. Союз социологов России ССР, в который открыт доступ всем профессиональным социологам и социологическим общественным организациям страны.

Утверждение научного статуса социологии. Создание ИКСИ СССР (ныне ИС РАН)

В апреле 1968 г. состоялось заседание Отдела науки и вузов ЦК КПСС с участием широкого круга социологов. На этом заседании по итогам обсуждения доклада Председателя Советской Социологической Ассоциации Г.Осипова «Состояние и задачи дальнейшего развития конкретных социологических исследований

в СССР» было принято решение о необходимости создания на базе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР соответствующего научного Института. В состав Комиссии ЦК КПСС по подготовке проекта решения Президиума АН СССР вошли первый зам. заведующего Отделом науки и вузов ЦК КПСС Е.Чехарин и председатель Советской Социологической Ассоциации Г.Осипов.

Решение на уровне Отдела ЦК КПСС о создании Института социологического профиля не явилась неким озарением властвующих в те годы партocrats, оно преследовало, как это стало понятным позже, вполне определенную цель – взять под *партийный* и *формальный* контроль набирающее силы и практически ставшим независимым от идеологического и партийного контроля *социологическое движение* в стране.

Начались многочисленные переговоры и консультации внутри определенного властного круга организаторов будущей научной структуры. Постепенно сложились три точки зрения на то, какое содержание следует вкладывать в понятие «социологический научный институт».

Первая точка зрения была сформулирована академиком А.М.Румянцевым. Алексей Матвеевич не был социологом. Этот выдающийся российский ученый составил себе имя как экономист. Однако, будучи вице-президентом АН СССР, он всячески старался вдохнуть реальную жизнь в те научные подразделения по общественным наукам, которые по роду службы курировал. В отношении создаваемого института актуальной задачей ему представлялось проведение конкретных социальных исследований во всех областях общественных наук. Поэтому в структуру создаваемого института, помимо социологов, он предполагал включить и экономистов, и политологов, и демографов, которые проводили бы каждый свои конкретные социальные исследования.

Вторую идею выдвинул Сергей Павлович Трапезников, который в то время заведовал в ЦК КПСС Отделом науки и вузов. Он предложил создать институт в системе ЦК КПСС, и все связанное с ним, в том числе и результаты проводимых исследований, соответствующим образом засекретить, чтобы использовать лишь для внутренней служебной деятельности главного партийного штаба.

Третья идея была, по сути, коллективной – социологического сообщества страны. Профессиональные социологи видели свой институт академическим, открытым, занимающимся глубоко социологическими исследованиями – как Институт социологии. Эту идею во властных структурах, на различных совещаниях отстаивал председатель ССА.

А.Румянцев, Г.Осипов и Ф.Бурлацкий, который намечался в заместители директора будущего института, сообщая идею С.Трапезникова отвергли. Будучи учеными, мы намеревались работать не на КПСС, ее ЦК, а на российское общество, на российский народ. И, соответственно, проводить не закрытые, а открытые социальные исследования, при помощи которых формировать активную позицию ответственности страны по самым животрепещущим проблемам ее развития.

Когда эти соображения были представлены С.П.Трапезникову, то он заявил, что не станет возражать против наших соображений и добавил, что вы «еще об этом очень пожалеете».

27 марта 1968 г. проект о создании Института конкретных социологических исследований АН СССР (ИКСИ АН СССР) был подготовлен и внесен Отделом науки и вузов в Президиум АН СССР. В свою очередь, Президент АН СССР М.В.Келдыш официально внес представленный ему проект в ЦК КПСС. 22 мая 1968 г. по представлению Президента Академии наук СССР Мстислава Всеволодовича Келдыша под грифом «совершенно секретно» было принято Постановление Политбюро ЦК КПСС под грифом «совершенно секретно» об организации Института конкретных социальных исследований на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии Академии наук СССР. После официального принятия 14 июня 1968 г. решения Президиума АН СССР «Об организации Института конкретных социальных исследований АН СССР» его возглавили А.Румянцев, Г.Осипов и Ф.Бурлацкий. В 1972 г. он был переименован в Институт социологических исследований (ИСИ АН СССР), а с 1988 г. в Институт социологии (ИС АН СССР, затем ИС РАН).

10 декабря 1968 г. Секретариат ЦК КПСС по докладу заместителя директора Института социологических исследований АН СССР Г.Осипова принимает опять же с грифом «совершенно секретно» решение «Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР».

С первых дней работы нового научного подразделения в нем сложилась довольно странная, явно не способствующая слаженной продуктивной работе ситуация. Формально на Секретариате ЦК КПСС идея А.Румянцева о создании Центрального института социальных исследований не прошла, был организован самостоятельный академический институт на базе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Однако, возглавив Институт, Алексей Матвеевич продолжил линию на привлечение к работе в нем близких ему по духу политологов, отчего многим специалистам из смежных областей –

экономики, демографии и т.д., которые могли бы проводить актуальные социологические исследования, не нашлось места. Поэтому, в конце концов, было принято решение, что Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР) будет развиваться одновременно по двум параллельным направлениям: социологическому, которое возглавил Г.Осипов, и политологическому, которое возглавил Ф.Бурлацкий.

В результате создание ИКСИ АН СССР не только не улучшило положение социологической науки, но даже усугубило его. Если ранее Отдел конкретных социологических исследований института философии АН СССР имел большие полномочия, за строгим соблюдением которых я постоянно следил, являясь помимо заведующего Отделом еще и заместителем директора Института по социологии, то теперь кадровый состав социологов остался, фактически прежним, но теперь необходимо было считаться и с интересами большой группы политологов. По сути дела, с созданием ИКСИ АН СССР были решены многие проблемы политологов, бесспорно, в массе своей достойных и талантливых ученых. Я не жалею, что мы им помогли в становлении политологической науки, но, фактически это было сделано за счет науки социологической.

Следуя логике развития науки, Институт стремился восполнить проблемы в социологическом знании. Институт были подготовлены серьезные научные труды, среди них: «Рабочая книга социолога» (1977); «Критика современной буржуазной теоретической социологии» (1977), «Измерение в социологии» (1977), «Теория и практика социологических исследований в СССР» (1979), «Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях» (1979), «История буржуазной социологии начала XX века» (1979), «История буржуазной социологии первой половины XX века» (1979), и многие др. Значительно выросло число публикаций по различным разделам социологического знания. Важным печатным органом объединения усилий социологов и распространения научного и методического опыта стал журнал «Социальные исследования» (издание которого началось ССА на организационной базе сектора новых форм труда и быта в 1965 г.), с 1974 г. «Социологические исследования» (отв. ред. А.Харчев).

Институт во многом опередил свое время и в отношении организации научного процесса. Нововведением был отказ от общепринятой тогда в научных организациях системы отделов и секторов. Выдающиеся ученые Института: Б.Грушин, А.Здравомыслов, И.Конт, Ю.Левада, Ю.Семенов, В.Ядов и другие возглавили исследовательские проекты, близкие по смыслу к лабораториям у наших коллег из естественных на-

ук. Предполагалось, что Институт станет проводить хозяйственные работы. Большие преференции гарантировались молодым социологам, проводящим конкретные исследования.

В то же время с созданием Института конкретных социальных исследований АН СССР усилилось вмешательство партийного руководства в процесс научных исследований. Партийному руководству страной социология как наука была не нужна, более того, она вступала в конфликт с идеологизированным видением социального мира. В тот период учеными были выдвинуты теоретические концепции, отвечающие новым, сложившимся в стране социальным реалиям, установлены новые социальные факты, ставящие под сомнение многие «успехи», достигнутые партократическим режимом. Ответные меры не заставили себя долго ждать. *Институт, вызванный к жизни реальными потребностями общества, был использован как средство административного вмешательства в дела науки, расправы над ведущими социологами страны.*

В качестве повода для разгрома были избраны «Лекции по социологии» (1968) Ю.Левады (*Дело Ю.Левады*). Конечно, не со всеми положениями автора можно было согласиться, однако это вопрос профессионального обсуждения, научной этики, но дискуссия была перенесена в область политическую и административную. Коллектив института обвинялся в насаждении буржуазных теоретических концепций и взглядов. Был нанесен первый удар по социологической науке и социологам.

За «Делом Ю.Левады» последовал не менее сокрушительный второй удар. Поводом для него послужил выход в свет монографии «Моделирование социальных процессов» (1970) под редакцией Г.Осипова и Н.Моисеева (*Дело Г.Осипова*). Цель нападок была одна – представить содержание монографии в качестве идеологически вредной платформы института. Критика книги использовалась затем для создания комиссии ЦК КПСС, МГК КПСС и РК КПСС, следствием работы которой стала замена руководства института. Ведущие специалисты-социологи были поставлены перед выбором: либо во избежание репрессий, уйти из Института, либо подвергнуться гонениям и унижениям. Очередной поход на социологию последовал не только цель избиения социологов-профессионалов, но и ограничения или сведения на нет социологического знания. И эта цель в определенной степени была достигнута. Резко сократилось количество публикуемых работ, снизилось качество проводимых социологических исследований. Поступательное развитие социологии было вновь искусственно прервано. За этот разгром социологии полную ответственность несут зав. Отделом науки и

вузов ЦК КПСС. С.Трапезников, инструктор этого отдела Г.Квасов и секретарь МГК КПСС В.Ягодкин.

Ситуация в социологии еще более обострилась в связи с тем, что ряд философов (П.Федосеев и др.), занимавших видные административные посты в науке, ранее ставивших знак равенства между историческим материализмом и социологией, вдруг изменили позицию и начали отрицать исторический материализм как социологическую теорию и ограничили сферу социологического знания только ее *прикладным* уровнем. Социология, даже в партократическом ее понимании, была лишена своего теоретического содержания, и вновь термин «социология» практически оказался запретным. Легальным осталось только понятие «прикладная социология».

Припомнили в период «реорганизации» Института и «кадровые упущения». (*Дело подписантов*). Испытывая постоянный голод в квалифицированных работниках, которые могли бы грамотно, на должном уровне проводить научные исследования, в Институт было принято 10 человек из числа так называемых «подписантов». Среди них были Л.Анненский, Ю.Давыдов, Л.Седов, А.Буртин, З.Крахмальникова и др. Они, между прочим, активно (конечно в закрытой форме) трудились над специфическими партийными заданиями и, будучи талантливыми людьми, преуспели во многих исследованиях¹⁷. Институт был обвинен в антисоветской деятельности.

Дело дошло до того, что приходилось расплачиваться за дела, косвенно к Институту отношения не имеющие. Показательно в этом отношении «дело Ассоциации научного прогнозирования». По инициативе ряда ученых, главным образом естественников, помимо решения ЦК КПСС была создана Ассоциация научного прогнозирования. О том, что создана и активно действует эта ассоциация, С.Трапезников узнал по радио (*Дело Румянцева*). Вопрос был вынесен на Секретариат ЦК КПСС, где весь гнев тогдашнего секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС М.А.Суслова обрушился на директора ИКСИ А.М.Румянцева, который никакого отношения к созданию Ассоциации научного прогнозирования не имел, а на заседание пришел по просьбе сославшегося больным другого вице-президента АН СССР Н.Д.Миллионщикова, который практически дал санкцию на создание этой ассоциации. Для А.М.Румянцева М.А.Суслов потребовал самых строгих мер, вплоть до освобождения от должности вице-президента АН СССР, вывода из состава ЦК КПСС и исключения из партии, но благодаря заступничеству некоторых членов Политбюро ЦК КПСС, дело обошлось строгим партийным выговором и рекомендацией об ос-

вобождении от должностей вице-президента АН СССР и директора ИКСИ АН СССР¹⁸.

Академика А.Румянцева на посту директора ИКСИ сменил член-корреспондент АН СССР М.Руткевич. В свое время он занимался конкретными социальными исследованиями, но, рассматривая их как форму философской деятельности, отвергал категории, которыми пользовались социологи. «Социализация», – считал он, – не наше понятие, а буржуазное, его надо заменить понятием «воспитание», понятием «социальная мобильность» и понятием «социальные перемещения» и т.п.

Вступив в должность в качестве директора ИКСИ АН СССР, М.Н.Руткевич стал скрупулезно выполнять указания Отдела науки и вузов ЦК КПСС и руководства АН СССР, учинив в нем полный переворот. Первой попадает под удар отдел В.А.Ядова¹⁹, его возвращают в Ленинград. За короткий срок стены Института были вынуждены покинуть более 100 ученых – серьезных квалифицированных специалистов в области социологии и политологии. Это Б.А.Грушин, И.С.Кон, Л.В.Карпинский, Н.Ф.Наумова, Ю.А.Левада, В.Н.Шубкин, Н.И.Лапин, Ф.М.Бурлацкий и др., не говоря уже о «подписантах», которых просто уволили.

Не избежал репрессий и я. В ходе проверок ИКСИ и ССА, которая была инспирирована П.Н.Федосеевым, был подготовлен и принят проект разгромного постановления Президиума АН СССР, по которому меня предполагалось снять с поста председателя Советской социологической ассоциации, освободить от должности заместителя директора Института и даже возбудить уголовное дело по якобы незаконной коммерческой деятельности через посредство Шахматного клуба²⁰.

После «чистки», проведенной М.Н.Руткевичем, работа Института была фактически свернута, два года Институт не производил никакой научной продукции. После выполнения задания партийных органов и вице-президента АН СССР М.Руткевичу в грубой форме предложили освободить должность директора Института социологических исследований АН СССР²¹.

Сменил М.Н.Руткевича на посту директора ИСИ АН СССР Т.В.Рябушкин. Семен Васильевич о социологии не имел никакого представления, поэтому резких движений избегал. Будучи человеком порядочным, он предоставил оставшимся в Институте сотрудникам полную свободу деятельности. Но, к сожалению, его пребывание на посту директора ИСИ АН СССР было преждевременно прервано. Покидая Институт Тимон Васильевич горько пошутил: «Только-только начал понимать, что же это такое – социология, как приходится уходить».

Очередным директором ИСИ АН СССР был назначен В.Н.Иванов. В его активе была органи-

зация ряда исследований по заказу КГБ, Советской Армии. Начал он свою деятельность в должности директора ИСИ АН СССР с того, что повесил в помещении Института почтовый ящик и попросил сотрудников бросать в него конверты со своими соображениями относительно того, что же такое предмет социологии. Но к большой чести Вилена Николаевича он довольно быстро освоил социологическую науку и был избран член-корреспондентом Академии наук СССР.

Трагическим для социологической науки и Института социологических исследований мог стать день 15 июня 1983 г. В этот день по докладу Генерального секретаря ЦК КПСС К.У.Черненко, в котором безосновательной, но резкой критике подверглись два академических Института – ЦЭМИ АН СССР и ИСИ АН СССР, было принято решение о создании на базе Института социологических исследований АН СССР Центра опросов общественного мнения. Иначе, Институт социологических исследований АН СССР *упразднялся*. Это решение было с восторгом воспринято рядом философов и идеологических работников.

Но реализации этого решения помешала смерть К.У.Черненко. К власти в партии пришел М.С.Горбачев. И тут оказалась ирония судьбы. Супруга М.С.Горбачева Р.М.Горбачева подготовила и защитила под моим руководством кандидатскую диссертацию на тему «Формирование новых черт быта колхозного крестьянства (по материалам социологических исследований в Ставропольском крае). Не чужд был пониманию роли социологических исследований и сам Михаил Сергеевич, который в соавторстве с моим аспирантом (ныне доктором философских наук, профессором) А.Кулагиным стал соавтором коллективной монографии о роли социологических исследований в партийной работе.

С приходом к власти М.С.Горбачева Институт социологических исследований АН СССР был сохранен. Но вмешательство партбюрократической власти в научную деятельность не прекратилась.

Последним вмешательством власти в деятельность научного сообщества была *отмена конкурса* на замещение должности директора Института социологии АН СССР в сентябре 1988 г. Поясню ситуацию.

В очередной раз в данном случае по инициативе Т.И.Заславской состоялось переименование нашего научного подразделения – в Институт социологии АН СССР. Был объявлен конкурс на замещение должности директора Института, где единственным участником был я. Однако за две недели до проведения конкурса решением Секретариата ЦК КПСС и Президиума АН СССР он был отменен. Директором-

организатором был рекомендован В.А.Ядов. Зачем это было сделано? Зачем нужно было вводить должность директора-организатора в Институте, в котором на протяжении многих лет складывалась структура научных подразделений социологического профиля, полностью разрушить которую не удалось даже М.Н.Руткевичу? Речь ведь шла о смене вывески и только. Когда подобное происходило ранее, никакого директора-организатора не назначали. Было ясно, что таким довольно примитивным способом решили избавиться от меня как человека, с позиций ЦК КПСС неблагонадежного. Дело заключалось в следующем.

В конце 80-х–начале 90-х гг. в социологическом сообществе сложились две различные социальные концепции перестройки и реформирования СССР и России. Единственно общим у этих концепций было то, что и та и другая обосновывали объективную необходимость радикального реформирования советского, в том числе российского, общества. Но видение и способы этого реформирования представлялись диаметрально противоположными.

Первая концепция исходила из необходимости полного разрушения всего того, что было создано в период руководства КПСС страной, всемерного расшатывания социальной стабильности и социального порядка. Эта концепция имела реальные основания, так как замедление темпов разрушения системы управления советским обществом несло потенциальную угрозу партбюрократического реванша. Однако эта концепция имела и другую сторону. Форсированное разрушение было чревато непредсказуемыми последствиями для общества, государства и человека, что и подтвердилось впоследствии.

Сторонником этой концепции являлся В.А.Ядов. Более того, Владимир Александрович заявил на Партийном бюро, и был Партбюро поддержан, что Институт под его руководством будет работать на М.С.Горбачева. С этим решением я категорически не мог согласиться. «Институт должен работать на науку, а наука на процветание российского общества», – такова была моя точка зрения.

Вторая концепция исходила из того, что важнейшим социальным индикатором реформирования должен быть реальный человек, что реформирование должно быть представлено в человеческом измерении, осуществляться не за счет человека, а ради него. Согласно этой концепции, все реформы реакционны, если при их осуществлении социально, морально и физически деградирует человек и распадаются социальные связи. Именно поэтому реформирование должно опираться на четкие правовые основы, любая реформа должна оцениваться с точки зрения ее социальных последствий для

человека и общества. Данная концепция основывалась на демократически узаконенной идее социальной стабильности и социального порядка. Сторонником ее был я.

В соответствии с этими двумя концепциями на Ученый Совет Института социологии АН СССР были представлены две научные программы. Соответственно, руководителями авторских коллективов этих программ были В.Ядов и Г.Осипов.

Новый Ученый Совет Института социологии АН СССР, отклонил представленную мною программу. Первый раз пытались запретить мне заниматься профессиональной деятельностью партократа. Второй – «либеральные» социологи. До сих пор мне непонятно, почему в институте не могло быть двух конкурирующих программ. Но это факт, что моя программа, нацеленная на исследование процессов трансформации России, была категорически отвергнута. И пришлось мне ее реализовать во второй раз созданном мною Институте – Институте социально-политических исследований АН СССР.

Только благодаря решению руководства Академии наук СССР, главным образом ее президента академика Г.И.Марчука, конфликтная ситуация была разрешена. Коллектив руководимой мной научной программы «Социальное развитие советского общества: показатели и тенденции» первоначально выделяется в самостоятельное Отделение, а затем на его основе решением Президиума АН СССР от 26 марта 1991 г. создается Институт социально-политических исследований АН СССР (ИСПИ АН СССР, а впоследствии ИСПИ РАН). Таким образом, произошло создание двух социологических академических институтов, представляющих два направления, различных по характеру и содержанию видения российской реальности, две школы в социологии. Это было, на мой взгляд, важное демократическое решение в области науки. Вместо силового подавления – две различные социальные концепции, два различных видения социального мира получили права гражданства. И было издано – 14 томов по итогам ежегодных социологических исследований по утвержденной руководством Института социологии АН СССР программе под уточненным названием: «Социальная и социально-политическая ситуация в России? Анализ и прогноз». На базе этих опубликованных томов с привлечением обширного социологического материала переиздается 20-томный труд «Летопись реформирования России (новая русская смута в зеркале отечественной социологии)», первый том которой (год 1989) уже вышел в свет. Таков исторический процесс становления научного статуса социологии, важными организационными формами стали два академических института.

Институт социально-политических исследований Российской академии наук стал преемником тех традиций и идей, которые сложились еще в первых социологических структурах в Секторе новых форм труда и быта, а затем в Отделе социологических исследований Института философии АН СССР. Главные из них – конструктивное осмысление истории развития социологии в России и в мире, дальнейшая разработка теории и методологии социологического знания, проведение конкретных социологических исследований российской действительности, особенно в период ее трансформации, оценки этой трансформации с позиций человеческого измерения. Одним из первых документов, разработанных Институтом, был «Моральный кодекс социолога», определивший характер и содержание его научной деятельности. В Кодексе подчеркивалось, что использование современных выборочных методов социологических исследований с опорой на математические методы и новейшие информационные технологии позволяет получать достаточно точную информацию о характере и содержании социальных процессов, происходящих в обществе, и их возможных социальных последствиях. Результаты социологических исследований, в равной степени как и естественных наук, могут быть использованы как во благо, так и во зло человека и общества. Социологическое знание в недобросовестных руках может стать средством манипулирования массовым сознанием и зомбирования людей, мощным орудием разрушения общества. Поэтому вопросы об ответственности ученого, отказе от социальной апологетики и мифотворчества, сформулированные в Кодексе, всегда были и остаются главными для Института.

Институционализация социологии, восстановление ее научного статуса, приращение научного знания обусловили необходимость качественного пересмотра многих считавшихся неопровержимыми социальных теорий и концепций. В настоящее время сложился поликонцептуальный подход к изучению общественных процессов при относительно широком понимании основных движущих сил исторического развития, их интерпретации, определении доминирующих факторов и перспектив. Попытки создания универсальных макро-теорий продолжаются, но они носят незавершенный, поисковый характер.

Ученые Института внесли вклад в разработку концепции мирового социально-исторического процесса, в основу которой положен принцип полицентризма и многолинейности развития. Разрабатываемая учеными Института альтернативная идея многополюсности совре-

менного мира базируется на цивилизационной концепции развития, предполагающей, что «полюса» являются центрами различных цивилизаций. Россия же представлена как ядро и глав-

ная составляющая самостоятельной Евразийской цивилизации, существование и развитие которой есть неперемнное условие сохранения стабильного миропорядка.

¹ *Санов В.В.* Магический кристалл социологии // Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С.6.

² Большую исследовательскую работу по восстановлению отечественного социологического наследия второй половины XIX–начала XX в. провел П.А.Голосенко. Составленный им библиографический указатель (1869–1917) включает 2187 научных трудов по проблемам социологии и смежных с ней социальных наук. См. *Голосенко П.А.* Социологическая литература России второй половины XIX–начала XX. М., 1995.

Наиболее подробно данный период развития отечественной социологии проанализирован в монографии *Кареева Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1966.

⁴ Впервые имя О.Конта как основоположника социологии науки было реабилитировано советским философом Баскиным М.П. в статье, посвященной 160-летию со дня его рождения.

⁵ См. подборку журналов «Под знаменем марксизма» за 1929 г.

⁶ Данный вывод ни в коей мере не отрицает огромной роли философского знания. Не будь этого знания, не было бы современной цивилизации, не говоря уже о естественных и общественных науках. Каждая система знания (научного и вненаучного) занимает особое место в системе социальных институтов общества и играет свою историческую роль.

⁷ В своем выступлении Ильичев Л.Ф. (см. Методологические проблемы науки. М., 1964. С.132–138) четко обосновал тезис о гражданском статусе социологии, но в форме марксистской социологии, т.е. одного из направлений социологического знания, и как таковое оно противопоставлялось «буржуазной социологии». Это противопоставление нашло отражение в монографии «Марксистская и буржуазная социология сегодня» (М., 1964). В заглавии этой монографии впервые было использовано понятие «марксистская социология».

⁸ В составе отдела решением президиума АН СССР были утверждены сектора: Методологии, методики и техники социальных исследований, Социальных и социально-психологических проблем личности, Общественного мнения и эффективности идеологической работы, Социальных проблем развития трудовых коллективов, Социальных проблем организации и планирования науки, Социальной психологии, Прикладных социальных исследований. Соответственно их возглавили: Ю.Левада, И.Кон, Б.Грушин, Г.Осипов, А.Зворыкин, Н.Мансуров, В.Васильев. К научной работе Отдела были привлечены также выдающиеся ученые Ю.Семенов, А.Здравомыслов и др. Г.Осипов был утвержден зав. Отделом, а Н.Лапин стал зам. зав. Отделом.

⁹ Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., Мысль, 1961.

¹⁰ Среди 50 авторов двухтомника представители различных школ социологии – исторического материализма (социальной философии), марксистской социологии и собственно социологии как науки. В данное издание было включено все лучшее, что было создано в области социологического научного знания – знания, основанного на конкретных фактах, полученных путем индуктивных методов.

¹¹ Полная библиография всех научных исследований по проблемам социологии (1958–1978) и социологических исследований, с различных теоретико-методологических позиций опубликована в монографии «Теория и практика социологических исследований в СССР» (М., 1979).

¹² Математические методы в современной буржуазной социологии (М., 1966), Математические методы в социальных науках (М., 1973) и др.

¹³ Эту благородную задачу успешно решили Президент АН СССР, академик АН СССР Г.И.Марук и Президент РАН академик Ю.С.Осипов.

¹⁴ В конце 80-х гг. в составе ССА работало 29 исследовательских комитета, функционировало 20 региональных отделений, объединявших 6 тыс. индивидуальных и 1300 коллективных членов.

¹⁵ Для прекращения деятельности Советской социологической ассоциации необходимо было соблюдение следующих условий: а) решение учредителей; б) решение общего собрания ее членов большинством в 2/3 голосов (согласно Уставу ССА, §14); в) решение Президиума РАН, в структуру которого автоматически входила ССА в форме РАС после объединения РАН и АН СССР.

¹⁶ Социологическое общество им. М.Ковалевского, Общество социологов и демографов, Российское общество социологов, Российская социологическая ассоциация, Общество профессиональных социологов, Союз социологов России. Членство в большинстве из этих общественных социологических организаций условно. Настало время, на наш взгляд, определиться. С приходом в качестве директора-организатора в институт социологии АН СССР В.А.Ядов объявил «Юрьев день», т.е. свободный переход научных сотрудников от одного научного подразделения в любое другое. Социологи должны решить в какой из названных социологических организаций они предпочитают участвовать и их участие должно быть официально оформлено (членские билеты, взносы, права и обязанности и т.д.).

¹⁷ Подготовили, например, для ЦК КПСС такие документы, как «Задачи девятого пятилетнего плана в области социального развития», «Социальные сдвиги 1966–1970 гг. и др. Некоторые из этих работ будут опубликованы в издаваемой Институтом социально-политических исследований РАН в серии «Вехи отечественной социологии».

¹⁸ Примечательно, что истинный виновник «Дела А.Румянцева», инициатор и основатель создания Ассоциации научного прогнозирования, доктор исторических наук Бестужев-Лада И.В. получил лишь строгое партийное взыскание, мне с Ф.М.Бурлацким удалось, при содействии зятя Фурцевой Е., удалось отправить его в длительную командировку в Японию и тем самым сохранить в партии и Институте.

¹⁹ В свое время ленинградских социологов во главе с В.А.Ядовым, спасая от преследования со стороны Ленинградского ГК КПСС, руководство ИСПИ в обход Президиума АН СССР зачислило в штат Института.

²⁰ К сожалению, мне так и не удалось получить на руки текст этого постановления. Как информировали меня в отделе кадров Президиума АН СССР, оно было затребовано и уничтожено по указанию П.Н.Федосеева сразу после моего избрания членом-корреспондентом Академии...

²¹ Несправедливо было бы только с негативной стороны характеризовать деятельность М.Н.Руткевича. Он прочно вошел в историю отечественной социологии работами по социологии молодежи, по социальной структуре, в конечном итоге он признал научный статус социологии. Это один из крупнейших специалистов в области философского знания.